

Н.Г. ГАРИН-МИХАИЛОВСКИЙ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Николай Гарин-Михайловский

Вероника

I

Жару летнего дня сменяла прохлада начинавшегося вечера.

За повалившейся далью реки садилось солнце, пронизывая последними лучами и нежный туман, прозрачным туманом уже встававший над рекой, и даль неба, всю в переливах с тревожно вспыхнувшими в ней и замершими облаками.

В тенистом саду весь спрятался старинный дом. Уже ложились вечерние тени по дорожкам, сильнее чувствовался аромат цветов поспевавших яблок и ещё какой-то особенный аромат мирно догоравшего летнего дня.

Из открытых окон неслись звуки рояля. Играла молодая женщина.

Она была беременна. Через несколько, может быть, часов должны были наступить роды, – она это знала, – и особое возбуждение владело ею. Голубые глаза её смотрели куда-то, а чудные звуки лились и лились.

Мало сказать, что она играла красиво – она обладала особым даром превращать рояль во что-то живое, до боли, – сладкой мучительной – музыкальной боли. Она передавала музыкой: радость, слёзы, рассказывала сказку или звонко и нежно, как падающие капли воды, передавала о чём-то, что проносилось в душе, как проносится тень уносящегося вдаль облака.

Это был вздох или нежная, как сама музыка, грусть о проходящей жизни. Вопросы и ответы: зачем так коротка жизнь и зачем, напротив, так медленно в каждом отдельном мгновении плетёт она свой загадочный узор. Узор такой неотразимый, такой нужный в каждом своём мгновении и сразу никому больше не нужный и никогда неконченный, когда смерть перережет нити этого узора.

Но зачем тогда эта жизнь, эта вспыхнувшая искра во мраке вечной ночи? И если б только это одно сознание было – о! человек давно бы замер в ледящем холоде его. Но есть любовь и греет она и забывает человек о вечном мраке, который ждёт его там, за окном его жизни.

Придёт время, остынет сердце, вступит ум в свои права и смерть перережет нити жизни, но что в том? Творческой силой любви уже достигнута цель и уже другие придут на смену продолжать вечное дело природы.

Это одно её дело и что всё остальное для неё? Неправда, страданья, эгоизм людей? Мать эгоизма, она твёрдо ведёт свои жертвы к цели, одевая их в перья, бросая их в бездну забвения, когда вырвет у них то, что ей нужно – продолжение рода.

И уже не отдельные мгновения, а река этих мгновений светлая, яркая, течёт в тёмных берегах беспредельной вечности: это река жизни, это любовь.

И пусть делает своё дело великая мать природа!

Молодая женщина вздохнула и заиграла из Грига:

«Я люблю тебя».

Страстные сильные звуки понеслись в сад, в небо:

«Бороться силы нет, в твоей я власти: люблю тебя»...

Песнь разбудила её.

С последними словами: «я люблю тебя и в жизни и в вечности» – она встала. Ведь, только всего, может быть, несколько часов оставалось у неё до болезни, а может быть и до...

Она прогнала страшную мысль, вышла на балкон, вдохнула всей грудью ароматный воздух вечера и сказала, заглядывая через окно в его кабинет, голосом счастья, любви, радости жизни:

– О, какой прекрасный вечер! Пойдём в сад?

Он оставил работу и под руку они пошли по дорожке.

Они пришли к скамейке, сели и сидели молча, прислушиваясь каждый к своим мыслям. Было тихо. Где-то в глубине сада насвистывала птичка и свист её, звонкий и нежный, сильнее подчёркивал тишину сада.

Она вздохнула и тихо, как мысль, вслух заговорила:

– Садится солнце, а завтра утром, когда оно опять взойдёт, я, может быть, уже буду матерью. Завтра воскресенье и наш ребёнок будет дитя праздника... Наш... Я так счастлива.

И, замолчав, она задумчиво смотрела в просвет деревьев.

– Как красива природа: как сон этот вечер... Как люблю я природу, запах цветов, небо...

Она опять замолчала и, точно ожидая ответа и не дождавшись, вздохнув, сказала:

– Рассказать тебе мою сегодняшнюю фантазию на лебедь Грига? Помнишь: «мой тихий лебедь запел, умирая»?

Он обнял её и сказал:

– Расскажи.

Она устало положила ему голову на плечо и заговорила:

– Два лебедя жили на озере. На прекрасном озере в горах. Над ним было голубое небо. Лебедь плавал по озеру с своей подругой и говорил ей:

– Среди всех живущих мы опять нашли друг друга и узнали, потому что вечно знали друг

друга. Мрак ещё был на земле и волны бились о берег и взлетали их брызги, и две капли взлетели выше других и упали на высокий утёс. И первый луч солнца прорезал мрак и заиграл в двух каплях огнями и сказал им: «живительной силой моей и матери вашей природы – живите вы вечно». Те две капли были мы с тобой. Те две лани, что взбирались по скалам, те две чайки, что в глухой степи перекликались между собой, те два льва, что на восходе сошлись в жёлтой пустыне, – были мы с тобой. В образе двух лебедей отец наш солнце свёл нас снова. Летим же к нему! – И радостные, счастливые, они поднялись до самых розовых облаков, – они вечные спутники отца своего. Но когда пришла ночь, – враг солнца – она сказала выдре, что сладко спит теперь молодой лебедь и не услышит, как подплывёт к нему выдра. Взошло опять солнце и лебедь не нашла больше своего друга возле себя. Спросила лебедь у солнца и сказала ей солнце правду. Тогда запела лебедь свою последнюю песню. Она пела о том, что любила своего лебедя, что будет вечно любить его; что любит солнце, свет и тепло его. Она молила солнце не отдавать её злой ночи. И солнце пожалело и послало ей огненный луч свой и проник он в сердце её и уснула молодая лебедь навеки.

Молодая женщина остановилась и продолжала:

– И вот эти два лебедя снова встретились, а завтра, может быть, они ещё раз встретятся два в одном. У нас будет дочь и мы назовём её Вероникой: это значит – победа весны. Тебе нравится? О как я буду её любить! – И она порывисто обняла его и горячо заговорила: – Милый, милый, как я счастлива! Оставим заботы, мысли, неудовлетворение, подарим только друг другу этот вечер. Никто, ведь, не знает, сколько ему суждено ещё прожить, но этот вечер наш и будем жить...

И она страстно прильнула к его губам и замерла. Но вдруг быстро оторвалась и испуганно сказала или спросила:

– Больно?! Начинается? Боюсь...

Она заметалась и то судорожно хватала и сжимала его руку, то отталкивала её. Лицо её побледнело, глаза закрылись. Когда миновала боль, она покорно и грустно сказала:

– Пора.

И они пошли назад, – она прошла в дом, а он остался на террасе и сидел там в тяжёлом оцепенении какого-то сна наяву.

И сильнее было впечатление этого сна в напряжённой тишине вечера.

Солнце упало за горизонт, брызнув в последний раз короткими кровавыми лучами. Стало быстро темнеть, а в небо безмолвно торопливо поползли откуда-то взявшиеся тёмные тучи.

И вдруг, тревожные мечущиеся удары церковного колокола разбудили сон и наполнили душу тревогой, жутким сознанием неотразимости надвигающегося мгновения.

– О, как страшно! – шепнул кто-то сзади и две руки, прекрасные, в сине-серых сумерек мертвенно-бледные, обвили его шею.

Холод проник и в его душу, он повернулся к ней и вдруг что-то беспомощное в ней сжало его сердце тоскою и горячею любовью.

Нежно обняв, он осторожно повёл её и, посадив, целовал её руки, плечи, платье. Целовал полный благоговения к ней, полный сознания предстоящего ей мученичества. Это была безмолвная, сильная и жаркая молитва ей, её страданиям.

Стихло всё в доме. Спят или притаились и только там в углу, где спальня, и красная лампадка бросает свои багровые лучи, – движение и стоны, боли и отдых и опять безмолвная тишина ночи.

Взошла луна и светит. Сад необъятный, весь залитый обманчивым светом. Из серебра и блеска деревья убегают в какую-то даль или бездну. Бесконечная даль. Какие-то тени прозрачные, светлые движутся, скользят и берут власть над душой, таинственную и сильную. Что-то прильнуло, точно заглядывая, к окну и уж убегает, оставляя в душе следы очарования, напряжения и страха.

И снова стоны, дикий взгляд туда, где в красных огнях переливались ризы иконы, – бесконечно чужой всему живому.

Сильнее боли. Ближе и ближе выходит из мертвенного просвета дня что-то страшное, неотразимое. Вышло и дико схватило свою жертву. Целый океан страданий, в котором захлебнувшийся последний безумный вопль смешался с первым криком появившегося на свет нового существа.

И стихло сразу всё.

Смерть или обморок?

Так не похоже на смерть.

Розовеет и ещё нежнее лицо. Точно откинувшись, чтоб лучше видеть, она смотрит из полуопущенных век ещё живыми глазами туда, где в первых лучах солнца шевелится маленькое красное тело.

А там, в раскрытых окнах, праздничное утро, торжественное, нарядное.

В лучах солнца, в блёстках росы сверкает сад.

Тихо, всё замерло в избытке блаженства и только листья таинственно шепчут друг другу радостную весть:

– Вероника, Вероника...